

Питер Гринуэй — немного сумасшедший. Это было ясно с самого начала, когда он показал миру "Контракт рисовальщика", "ZOO" и "Отсчет уполненных". Киноманы знают эти фильмы, но фестивальных наград у них немного. Гринуэй — в некотором роде изгой в кино, со своими пристрастиями к живописи Брейгеля и фламандцев. Но потом он пропал: снял пару странных, ни на что не похожих фильмов, подождал, пока его запишут в покойники, и выступил с заявлением о том, что больше никогда не подойдет к камере. Потому что современное кино — насквозь цинично. Однако — вернулся. С новым фильмом "Чемоданы Тульса Люпера" ("МК" уже не раз подробно рассказывал об этом проекте, рецензию же на первую его часть, показанную на ММКФ, см. во вчерашнем номере) и новым манифестом, понятным лишь ему одному.

БРИТАНСКИЙ ПЕДАГОГ

Питер ГРИНУЭЙ:

**"Кино — это не
площадка для игр
Шэрон Стоун"**

— Вы знаете о том, что вы суперпопулярны в России?

— Я знаю, что мои фильмы здесь любят. Мне очень приятно, что их здесь обсуждают, что в них находят какие-то интересные стороны, чего часто не бывает на Западе.

— Ваш фильм довольно прохладно приняли в Канне. Как ваши впечатления от московской премьеры?

— Я участвовал в огромном количестве фестивалей, в самом разном качестве. И скажу вам откровенно: они все одинаковы.

— Вас часто называют последним постмодернистом мирового кино. Вы согласны с этим определением?

— Мне кажется, с такими определениями нужно быть осторожнее: они могут очень сильно повлиять на человека вне зависимости от его желания. Если говорить обо мне, то в этом есть доля правды. Если под постмодернизмом понимать некую эклектичность языка, то, без всякого сомнения, это есть в моих фильмах. Ирония — и это тоже есть. Кроме того, я рассказываю истории, которые весьма далеки от героических.

— Ваш главный герой, Тульс Люпер, проходит через тюрьмы всего мира и (как вы заявляли в свой первый приезд в Москву на отбор русских актеров) должен попасть и на Лубянку — остался ли этот эпизод?

— Да, будет эпизод, где Тульс Люпер попадает в плен к шахматному картелю. Этот картель использует шахматы как язык, как структуру. Будет ли он сниматься в России — не знаю. Это зависит от бюджета.

— Вы говорили, что трилогия о Люпере — манифест, обращенный в будущее. Каким вы видите будущее, измененное вашим фильмом?

— Я совершенно согласен с теми, кто говорит, что кинематограф последних сорока лет разрушил кино как искусство. Есть четыре вещи, которые я не принимаю в современном кино. Кинематограф текста — это раз. Все современное кино основано на тексте, и

мы должны это изменить. Второе — кинематограф настроения. Когда действие движется вокруг нас, никак не затрагивая. Мы должны изменить и это. В-третьих, кино — это не актеры, не площадка для игр Шэрон Стоун. И четвертое — камера. Мы должны избавиться от камер, только это по-настоящему освободит кино. Что касается моих будущих работ, то я могу сказать, что никогда больше не буду снимать на пленке. Видеокамера дает гораздо больше возможностей для выражения того, что я хочу сказать. И, конечно, я буду использовать новые технологии, как в фильме, показанном на Московском кинофестивале.

— Каковы ваши отношения с компьютером и современной техникой вообще?

— Вы знаете, я очень много времени посвятил этому. Особенно когда понял, что современный кинематограф мертв. И кроме того, я понял, что это очень удобно. Я могу общаться с людьми — точно так же, как сейчас с вами, я могу представить свой фильм, это помогает в рекламе и так далее. Да, кроме того, тот фильм, что показали здесь, будет целиком помещен в Интернет.

— Вы можете представить, что будете снимать фильм в Америке?

— Если говорить об Америке как о Голливуде, то, конечно, нет. Там совершенно другой киноязык и по-другому делают кино. Сейчас весь мир знает, как снимают фильмы в Голливуде, и повторяет это. Получается безумно скучное кино, которое невозможно досмотреть до конца. Если же говорить обо всей стране, то там есть режиссеры, которые снимают совершенно другие фильмы, используют другие модели и другой язык.

Маша ДАВТЯН.